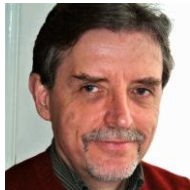

Переводчик **Екатерина Полянская** родилась в 1967 г. в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им И.П. Павлова. Проживает в Санкт-Петербурге. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Член Союза писателей России с 2002 г. Автор семи стихотворных сборников; её стихи также публиковались во многих российских и зарубежных журналах. Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, чешский и сербский языки. Лауреат нескольких российских и зарубежных литературных премий.

Михал Буковский

Михал Буковский- родился в 1949 г. в Познани, с 1985 г. живёт в Вене. Поэт, переводчик, эссеист, критик, доктор экономических наук. Автор трёх поэтических сборников и многочисленных публикаций в польских и зарубежных журналах. Переведён на русский, немецкий, чешский языки. Член Союза польских писателей и Союза писателей Австрии.

ЛОСЬ

шестнадцатого декабря
одна тысяча девятьсот девяносто восьмого
года

ранним утром
на улице большого города
появился лось

неизвестно откуда пришедший

он сначала с достоинством, как лосю и подобает
пересёк центральную улицу

потом изменил направление
и с боковой улочки
вступил на территорию
местного
бюро ритуальных услуг

когда за ним замкнули ворота, чтоб не сбежал,
перепрыгнул забор
высотой метр восемьдесят

(очевидцы твердят, что – совсем без разбега)

и неспешно направился дальше
на соседнюю улицу
где

на середине проезжей части
улёгся
и – сдох.

ПИЛИГРИМЫ СЛОВА

пилигримы слова
по дороге от вдохновенья до правды
на мгновенье приостановились
смиранные
перед вечностью

ВЫСТАВКИ, НАГРАДЫ, ОРДЕНА, ПРЕМЬЕРЫ...

а когда уж в конце утихнут
шелест улыбок,
грохот приветствий
и хруст рукопожатий,
когда топот восторгов
и всплески последние слов
окончательно
замкнут за собой последние
ещё открытые
двери –

тогда
между брошенных фраз,
бутербродов надкусанных,
смятых салфеток
медленно
встанет

действительность

и
без особых эмоций,
зевая,
погасит
последние отблески
исключительности.

...может, даже
удастся услышать,
как при этом
прошипит фальшиво:
...Удачи...

Анджей Дембковский

Анджей Дембковский – поэт, литературный критик, эссеист, журналист и издатель. Родился в 1961 г. в Зелове. Редактор «Газеты культуральной». Член Союза писателей Польши. Автор семи поэтических сборников и многочисленных публикаций в периодической печати в Польше и за рубежом. Лауреат многих литературных премий. Переведён на русский, венгерский, чешский, литовский, белорусский, украинский, вьетнамский языки. Член Союза писателей Польши. Живёт в Зелове.

СТРАХ

Всю жизнь
он приходит ко мне
в чём-то сером
вспотевший
способный на всё
садится под подоконником
когтистой лапою
требуется прикурить
молчит.

* * *

...к звёздам рвануться?
Нет, не пытаюсь.
Были, правда, когда-то подобные мысли,
однако же, я – не фантаст.
Мне человек интересен
в свете реальности.
Тем паче,
что и права выбора нету,
и нет уж во мне того запала стихийного,
чтоб сделать нечто для вечности,
что объединило бы всех
в одном бескорыстном порыве
общего дела,
наиважнейшей задачи.

Одно лишь осталось –
привычка, навык, обязанность.

И все мы как муравьи.
Нас попросту приняли к сведению.
И всё это кончится через
мгновение, час или – год,
когда нас затопчут.
Поскольку
в конце-то концов такова ведь
жизнь муравья.

УСПОКОЕНИЕ

а теперь
я не уверен что
небо уже голубое что
старики простирая
костистые руки
ищут какой-нибудь выход
иногда умирают
кто их защитит
от клеветы
и обманов

приятель мне обещал
подумать на эту тему

Марек Вавжкевич

Марек Вавжкевич – поэт, писатель, переводчик, журналист. Родился в 1937 г. в Варшаве. Более 30 лет работал журналистом на радио и в прессе, был редактором литературных журналов. Автор более 30 книг – сборников стихотворений, очерков, рассказов, а также переводов на польский со славянских языков. Председатель Союза польских литераторов. Живёт в Варшаве.

NN, МУЖЧИНА ЛЕТ СОРОКА

Боже ты мой, как же тут всё заселилось,
Как помертвело, как уравнилось,
Как всё похоже – этот бетон и гранит,
Эти песчаники, мраморы, холмики земляные,
Эти, вроде бы, кипарисы, туи и тополя,
И этот ветер, рождающий мертвые шелесты
В жёсткой листве тополиной и в траурных лентах.

Боже ты мой, они окончательно умерли,
Все, как один, одиноки –
На тонком шелку, на полотне перепачканном,
В шуме аппаратуры,
И вое сирен запоздалых,
В болтовне проливного дождя,
В рыдании или в молчаньи.

У них всё навеки теперь. Узаконено всё
Надписью медной, табличкою жестяною,
По камню – резцом, по воде – тонкой веткой.
И никуда им не деться, нигде им не спрятаться
Перед звоном лопаты, перед святою водой,
Глиной, песком или крестом на дороге.

А этот хитрец и ловкач – как будто, мужчина,
Как будто, лет сорока? Вот тот, что укрылся
Под литерами NN, словно из алфавита
Знал только их, словно бы не мог себе выбрать
Что-то получше, к примеру, XY или MW.
Что утаил он от нас, и что унёс он с собою?
Что и кому он оставил? Нельзя же вот так,
Уйти без следа, умереть просто так, для себя лишь,
В недоумении крайнем оставив нас всех.

NN, мужчина, упокой Господь его душу!
Что ж, нынче коснулся его наших душ непокой.

Прохожий, замедли шаги, иль задержись на мгновенье,
Разведи руками беспомощно, или же – перекрестись,
Заплачь иль засмейся.
Всё выходит едино.

ПЕРО

Сорок лебедей через мой сон пролетали –
Сквозь облака снежно-белые
Над рекою недвижно текущей.

Я пробудился –
Коснулось лица моего
Изломанное перо.

* * *

Тишина. Уже не играют оркестры,
Смолкли даже пластинки. Пускай только вздохи
Порой нарушают
Ту немому, что сомкнулась над нами,
Давно утонувшими.
Пусть
Отзовётся однажды струною единственной скрипка –
Так нежно.
И так глубоко. На самом дне улицы.

* * *

Оса, которую я прихлопнул на косточке сливы,
Когда мы беседовали – кажется – об античности,
Была уже утомлена ранней осенью,
Сливами
И – нами тоже.

Пили мы благородный, старинный напиток
Из дивных краёв. Нам казалось,
Что мы будем жить вечно.
И всё же мы знали, что завтра
Воды здешней первый глоток
Пробудит нас от иллюзий.

Но до этого было
Ещё далеко,
Словно до горизонта – того,
До которого мы
Дойдём в четверг после дождичка.

Кончилось бабье лето –
Время ос и людей.

Лист с пожелтевшей берёзы
Тихо слетел.
И внезапно мы осознали,
Что это и есть –
Конец нашей вечности.

* * *

Фотография врёт. Моя мама
Никогда не была такой старой.
Ведь с тех пор,
Как ей исполнилось сорок,
Она
Опережала меня
Лишь на несколько месяцев
Не считая, конечно,
Мудрости и доброты.

Нынче, почти что семидесятилетний,
Гляжу на маму свою молодую,
Которая старше меня
На одну только смерть.